

Анна
ЗНАМЕНСКАЯ

ПЛЕННИЦА
дождя

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
3-72

Дизайн обложки — студия «Fold & Spine»

Дизайнер — *Александр Кудрявцев*

Знаменская, Алина.

3-72 Пленница дождя / Алина Знаменская. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Лучшие романы о любви).

ISBN 978-5-17-091274-2

Вместе с последним школьным звонком закончилось детство. И две подруги стремятся побыстрее сбежать во взрослую жизнь. Только дороги у них разные. Одна рвется из дома, чтобы уйти от чрезмерной опеки родителей. Другая бросается на поиски своей мамы, чтобы ощутить, какво это — быть любимой дочерью.

Судьба вовсе не спешит протянуть им руку помощи... и учиться приходится на своих ошибках. Окружающий мир плачет тихим дождем, а девочки не могут позволить себе слез. Они свято верят: если ждешь и надеешься, мечты непременно сбудутся!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091274-2

© А. Знаменская, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ГЛАВА 1

Они все врут!

Саша отвернулась от жующих попутчиков и уставилась в окно. Очередная деревня с лужей на обочине сменялась плешинами посадки. И все же смотреть в окно было приятнее, чем созерцать поглощение яиц вкрутую, копченой колбасы и одноразовой лапши в стаканчиках. Если бы ей досталась верхняя полка, она давно закрылась бы от мира простыней и сосредоточилась на своем. Но ей досталась нижняя, и в придачу — весьма общительные попутчики. Они так и норовили залезть в душу.

— Ну что, студентка, нос повесила? Ты покушай поплотнее, да и повеселеешь.

Это мужик в тельняшке. Весь вечер докапывается. То — куда едешь, то — кем родители работают. Ждет, что ли, когда ему нахамят?

— Девушкам надо талию беречь.

Это тетка. Полторы тонны веса. Ест и дышит со свистом.

— Я сама в девчонках тонкая была. Тонкая, звонкая, прозрачная.

Мужик в тельняшке чуть не подавился. Замер, глаза выкатил, а потом как заржет!

— Ну ты, блин, тетя, врать горазда!

Все врут.

Саша закрылась журналом, словно дверь в свою комнату захлопнула. Мир заквашен на вранье. Ложь оплетает людей, как липкая паутина. Лепят себе легенды и живут в них как в норах. Так теплее. Это правила игры, она поняла. Саша ненавидит ложь. Игра с фальшивыми правилами именуется жизнью, и она, Саша, вынуждена в нее играть. Играть и не врать? Плохо получается. Нет, собственно, она просто не сказала правду. Если бы она сказала, что задумала, бабушка никуда ее не отпустила бы. Она вцепилась бы в Сашу мертвой хваткой, призвала на помощь все свои болячки, стала бы давить на нее. Бить на жалость. И тогда Саша осталась бы. Со своими вопросами, на которые никто не хочет ответить. Со своей тоской. А носить в себе обиду и тоску в семнадцать лет — ох как тяжело.

Мужик в тельняшке завернул остатки еды в пакет, шумно отрыгнул и сладко потянулся, хрустя суставами.

Саша не выдержала. Она спрыгнула с полки и прошла в начало вагона, к купе проводников. Там было открыто окно. Она подставила лицо теплomu ветру.

— Ничего, — сказала она себе. — Все куда-нибудь едут, и я еду. Подумаешь!

О бабушке старалась не думать. Предполагать, как таотреагирует на выходку внучки, — занятие не из приятных. Пусть реагирует как хочет. В конце концов — что она могла ожидать от человека, которому столько лет сама морочила голову?

Саша целый год играла в сыщика. Ей бы к экзаменам готовиться, а она была просто одержима своей идеей. Сначала она собрала все школьные фотографии матери, что хранились среди всякого хлама в коробках из-под конфет «Ассорти». Фотографии сплошь черно-белые, некоторые отливают коричневым. Мальчики на снимках длинноволосые, с отложными воротничками поверх пиджаков. Смешно. Или, как сказала бы Лидка, стрёмно. Девочки — в белых фартуках. Стрижки «сессон». Сашина мать, самая маленькая и хрупкая, стояла в первом ряду. Фигурой она напоминала Патрисию Каас. И губы, и взгляд были как у этой французской певицы. Мать была красивой. И имя ей бабушка выбрала немного не от мира сего — Лика. Имя ей очень шло.

Саша долго изучала фотографии. Доставала их, когда бывала одна, как что-то запретное, тайное, и разглядывала. Конечно же, она не могла не сделать для себя некоторых выводов. Мать была общительной и веселой. На всех фотографиях она в центре, среди подруг. Лика придерживалась моды, имела вкус. То, что на других сидело кургузо и с позиций сегодняшнего дня смотрелось нелепо и даже вызывало смех, у Лики было мило, к месту, кстати. Коротенькая юбочка, полосатая рубашечка в обтяжку, туфли на платформе. И не было во взгляде матери той подростковой забитости, неуверенности всеобщей, которой Саше не удалось избежать. Мать, вероятно, всегда знала, что она хорошенькая, несмотря на маленький рост и повадки Дюймовочки.

Еще у матери сохранилась анкета. Точно такими переболела и Саша лет в двенадцать-тринадцать. С кем ты хочешь пойти в кино? Кто из мальчиков тебе нравится? Твоя любимая группа.

В конце анкеты Саша нашла адреса. Сверила с фамилиями на обратной стороне фотографии класса. В основном анкету заполняли одноклассники. Саша отправилась на поиски с Ликиной анкетой в руках и пачкой фотографий. По первым двум адресам жили уже совершенно другие люди. Но Саша настроилась решительно. Неудача ее не спугнула. По третьему адресу открыла женщина среднего возраста с бесцветным лицом и, выслушав Сашино вступление, кивнула в сторону комнаты. Проходи, мол.

— Я ведь только семь классов в этой школе проучилась. Потом в другую перешла, в английскую, и уже редко кого видела.

— А о своем классе можете что-нибудь вспомнить? — вежливо улыбаясь, допытывалась Саша. — У меня есть фотографии.

— Ну надо же! — Женщина всплеснула руками. — Школьный музей, говоришь? А мне так кажется, что теперь уж в школах такого не бывает. Это раньше у нас следопыты всякие водились, тимуровцы. А тут гляди-ка: школьный музей!

Женщина сняла с себя фартук, уселась рядом с Сашей на диван.

— А вот гляди — это я!

Лицо ее растянулось в улыбке. Она ткнула пальцем в прилизанную ушастую девчонку, доверчиво смотрящую в объектив.

— Вы почти не изменились, — машинально ляпнула Саша, вся дрожа от волнения. — А с кем вы дружили?

Женщина ударилась в воспоминания, то и дело тыкая в фотографию пальцем, словно нарочно обходя середину.

— А вот эту девочку вы помните? — наконец не выдержала Саша.

— Лику? Лику Ольшанскую? А как же! Она у нас председателем совета отряда была.

— Председателем... чего?

— Ну, это в пионерах. Тогда ведь как? Кто примерный, хорошо учится, того и выбирали. А она — маленькая, аккуратненькая, прямо кукла. Голос звонкий, чистый.

— А голос-то при чем?

— А как же! Рапорт отдавать. — Женщина посмотрела мимо Саши и вдруг не своим голосом оглушительно возвестила: — Товарищ председатель совета дружины! Отряд имени Марата Казея на линейку построен!

Саша вежливо улыбнулась. Понравилась ей бесцветная женщина, хотя больше о Лике Ольшанской она ничего существенного не вспомнила.

По следующему адресу Саше открыла ухоженная дама. Квартира, облагороженная евроремонтом, говорила сама за себя. Таких дам показывали в сериалах про новых русских. Саша поначалу решила, что ошиблась номером квартиры. Оказалось — нет. Правильно пришла.

— Вы, девушка, не ошиблись. Я и есть Лена Бах.

Женщина картинно опустилась в глубокое кремовое кресло и выжидательно уставилась на гостью.

— Это надо же! Родные пенаты не забыли своих птенцов! Боже мой, и фотографии сохранились!

Пока дама щебетала и перебирала фотографии, Саша разглядывала даму. Та была облачена в леопардовый халат до пят, шлепанцы, обшитые шелком. Длинные ногти ее выглядели неестественными, будто приклеенными.

Но не будешь же дома ходить в наклеенных ногтях? Значит, настоящие. Никогда не скажешь, что эта леопардовая и та бесцветная — одноклассницы. Надо же!

Саше сама собой пришла мысль, что мать может оказаться любой. И как та бесцветная. И как эта — богатая и холеная. И ее нетерпение и ее интерес от этих мыслей только накалялись.

— Класс у нас был недружный, — сразу заявила дама. — Так себе класс. Староста — зубрила из зубрил. У нее мать завучем работала, ну и все учителя тянули ее за уши. Оценки завывшали. Она вызубрит и шпарит слово в слово по учебнику. И сплошное «ну», «это». Мы иногда на спор считали, сколько раз она свое «ну» вставит.

Саше это было неинтересно. И она не долго думая ткнула пальцем в мать.

— А эта?

— Лица? Ну а эта — вообще. Об этой и говорить не стоит.

— Как не стоит? Она же у вас, кажется, председателем была... этого... совета?

От волнения Саша стала забывать слова. Дама расхохоталась Сашиной наивности в лицо.

— О, наше детство золотое! Галстуки, линейки, смотри строя и песни! Это в пятом классе. А в восьмом эта девочка уже ходила по рукам. А в свободное от основных занятий время окурки собирала, поскольку денег на сигареты не хватало. На тройки скатилась. Была отличницей, а пришлось после восьмого класса в ПТУ пойти — то ли на швею, то ли на парикмахера. С троечным аттестатом.

Если бы на Сашу вылили ведро воды, то, вероятно, она чувствовала бы себя примерно так же, как сейчас. Она съежилась, словно замерзла.

— Да, да, девушка, и в наше время это было. Девочки развлекались. Вы наверняка знаете, какой район у нас в городе называют Немытовкой. Так вот туда Лика со своей подружкой Танькой каждый день моталась... к мальчишкам. Бабушке своей врала, что ездит во Дворец пионеров, в драмкружок.

— А мне... А я слышала, что она замужем была за военным, и вообще...

Саша хотела найти убийственные аргументы, чтобы уличить даму в чудовищной лжи. Видно же, что та просто завидовала Лике, которая нравилась мальчишкам. На эту Лену Бах наверняка никто не смотрел.

— Да, замуж ей выскочить удалось, ничего удивительного. В то время у нас все девчонки военных ловили. Почему-то думалось, что путь жены офицера усыпан розами. Ей всегда хотелось блистать, не прилагая к этому никаких усилий.

Саша поднялась, чувствуя, что готова вцепиться в эту холеную сплетницу. Та поняла ее по-своему.

— Я понимаю, девушка, что вам это скучно. Такую историю в музей не поместишь. Сейчас я кофейку органирую и мы с вами остановимся на более достойных.

— Нет! — Саша запихнула фотографии в сумку. — Мне некогда. Я и так задержалась уже...

Саша вылетела в подъезд, пулей промчалась по этажам — вниз, на улицу. В тот день она больше не ходила по адресам. Но это только в тот день.

— Где ты была? — мирно поинтересовалась бабушка, когда Саша, бросив пакет с фотографиями за диван, двинулась в свою комнату.

— Ходила к Юле переводить английский, — с мстительным чувством соврала Саша. Она не стала бросать в

лицо бабушке обвинения и упреки. Она просто замкнулась. И плана тогда у нее еще никакого не было. А было только дикое стремление найти свою мать и задать ей один, столько лет мучивший ее вопрос.

Всегда, как только Саша задавала бабушке вопрос о матери, лицо той принимало каменное выражение. Не озарялось нежностью или грустью, а именно эта бесстрастная маска. И фразы доставались матери от бабушки сухие и короткие. Была отличницей. Слушалась старших. Всегда мыла за собой тарелки. Иногда Саша умудрялась-таки вставить каверзный вопросик.

— А что мама больше всего любила из еды? А какая ее любимая книга?

В этих случаях бабушка вечно уходила от ответов. Она тут же придумывала срочное дело себе или Саше, начинала ворчать или, что еще хуже, напускала на себя выражение холодности и отстраненности. Словно Саша в чем-то виновата. Или же, наоборот, обвиняет ее, бабушку.

А может, бабушка действительно виновата?

У Саши постепенно возникло несколько легенд. Легенда первая. Мать росла своенравной девочкой, не слушалась старших, и тогда бабушка рассорилась с ней и сказала, что больше не пустит на порог. А потом, когда родилась Саша, то бабушка, опасаясь, что и Саша вырастет такой же своенравной и непослушной, забрала у матери Сашу. А потом...

В легенде выходила грубая нестыковка. Ведь мать могла приехать и забрать Сашу. Или хотя бы писать ей письма. Но писем не было. Тогда возникла вторая легенда.

Мать пишет письма, а их кто-то перехватывает. Зачем? Это уже вопрос другой. А вот — как? Скорее всего

это делает сама же бабушка. Саша стала караулить почтальона и перед своим пятнадцатилетием месяц не ходила в школу. Караулила письмо. Или открытку. Но ни письма, ни открытки она так и не дождалась.

Все остальные легенды годились только для детства. После шестнадцати Саша сама отмела их как ненужный сор. Она больше не хотела выдумывать. Она хотела знать правду.

Первая неудачная попытка — поход к одноклассникам матери — не остановила Сашу. Она предприняла вторую.

— Лика Ольшанская? — задумчиво переспросила женщина в очках, к которой Саша явилась на работу, в детсад. — Я ее очень хорошо помню. Мы не дружили, но дома друг у друга бывали. Лика жила с бабушкой. Родителей ее я никогда не видела.

— Как — не видели? — опешила Саша.

— Они жили где-то на Севере, строили какой-то завод. Что мне запомнилось... Мы куда-то собирались с классом, и я зашла за Ликой. Она искала какую-то кофточку, никак не могла найти. Тогда она стала вываливать вещи со всех полок прямо на пол. И в этой горе тряпок искать нужную вещь. Нашла, как ни в чем не бывало попихала все барахло кучей в шкаф и прикрыла его. Мне почему-то это так запомнилось, не знаю.

Женщина работала логопедом в саду. Очки придавали ее лицу серьезное, строгое выражение. Она и на фотографии была в очках, и Саше запомнилось ее вдумчивое взрослое лицо.

— А почему вас это так поразило? — не унималась Саша.

— Да так... Меня бы мама убила за такое. А Лика жила с бабушкой, и та, видимо, не ругала ее, ничего не заставляла делать. Сама все убирала за ней. Или Лика просто не боялась ее. Не знаю. Но только мыть полы или посуду — это было не для нее, Лики.

— А как же она в классе дежурила?

— В классе? Да мальчишки за нее все делали. Дежурили как? Мальчик — девочка. А Лика такая хрупкая, хорошенькая. Никому и в голову не приходило вручить ей тряпку или швабру.

После встречи с логопедом Саша долго сидела на школьном стадионе и думала. В этой же школе училась ее мать. И все эти женщины были когда-то девчонками. Носились здесь, мечтали о чем-то, влюблялись, ссорились. Оказывается, мать так же, как она, Саша, жила с бабушкой. Только бабушка у нее была другая. Мать Сашиной бабушки. Но этот факт от нее, Саши, скрыли. Умолчали. Значит, бабушке стыдно. Стыдно, что она не воспитывала свою единственную дочь, а переложила этот труд на чужие плечи. А иначе она бы не скрывала, а так бы и сказала внучке. Она предпочла ложь. Она опутала Сашу ложью, липкой, как бумага для ловли мух. Саша и сама научилась врать. Соседям, одноклассникам. Ах, мама пишет письма! Ах, летом она поедет с мамой на море! Ах, мама работает в Монголии, за границей...

А что она еще могла ответить на вопросы знакомых? Что мать она не помнит, потому что видела ее в последний раз в свои три года?

...Поезд подъехал к крупной станции. К вагону подбежали мороженщики, торговли рыбой и пивом. В вагон стали подниматься новые пассажиры. Саша тоже вышла на перрон. Сумерки опутывали поезд. Огни вокзала об-

надеживающе мерцали. И вместе с прохладным, свежим после душного вагона воздухом к Саше пришло совершенно новое, неожиданное чувство. Она выросла! Она едет одна в другой город! Позади школа, позади все плохое, все, что отравляло ее детство. Впереди может быть только хорошее!

Она попыталась взглянуть на себя со стороны. Как бы чужими глазами. Как если бы человек видел ее впервые и ничего не знал о ней. Со стороны ей увиделась девчонка среднего роста с короткой стрижкой каштановых волос и внимательным, испытующим взглядом больших глаз цвета темного янтаря. Да, именно так. Саше было очень приятно думать о себе в таких красивых выражениях. Ее карие глаза если и считались таковыми, то потому, что в них в известной степени присутствовал коричневый цвет. Но на солнце и при вечернем освещении этот коричневый щедро отливал желтым, прозрачным. И Саша придумала ему образное сравнение с янтарем. Поскольку янтарь она созерцала ежедневно — бабушка носила бусы для щитовидной железы, кажется.

Глаза цвета янтаря были обрамлены густыми ресницами, настолько длинными, Саше даже не приходилось их красить.

Губы у Саши — Ликины. Именно такие губы делают лицо женщины немного детским. Да, губы материны, определленно. Впрочем, человек со стороны, глазами которого Саша пыталась сейчас смотреть, сказал бы — губы Патрисии Каас. Вот. В остальном, по бабушкиным словам, Саша походила на отца. Вот о ком бабушка говорила с явным одобрением! Однажды у нее выскочила такая фраза: «Единственное, что Лика сделала путного, — сумела окрутить Сашиного отца». Благодаря генам отца

Саша была крупнее матери и хотя не считалась высокой, но и маленькой ее тоже никто не называл. Она вполне нормальная. Симпатичная. Такая, как надо. И все у нее будет хорошо.

Пока Саша стояла возле купе проводников, настроение поменялось. Она вернулась на свое место — в проходе стояла новая пассажирка. Саше она показалась довольно пожилой. Заслуживающей того, чтобы ей уступили место, что Саша незамедлительно сделала. Пока пассажирка рассыпалась в благодарностях, Саша запрыгнула на верхнюю полку, вытянулась там и стала выдумывать свое будущее. Вдруг она обнаружила, что дальше чем «найти мать» в своих мечтах она идти не может. Она спотыкается на этом пункте. Саша не задумывалась над выбором профессии. Денег, чтобы учиться, у них с бабушкой нет. Саша была давно одержима своей идеей, и та до сих пор успешно толкала ее на поступки. Но... Впрочем, девочка без особых усилий отогнала от себя непрошенные мысли. Утро вечера мудренее. Она быстро уснула под стук колес.

ГЛАВА 2

— Ася, посмотри, положила ли я тебе полотенце?

Настя послушно заглянула в чемодан. Полотенце лежало сверху.

— А где таблетки? На холодильнике лежали таблетки, где же они?

Альбина Станиславовна проделала путь из кухни в гостиную, затем в комнату дочери и снова — в кухню.

— Алечка, подними мне подушку повыше...

Это отец. Брови матери страдальчески взметнулись вверх. Она бросилась в комнату, где на диване, боясь пошевелиться, лежал Настин отец, директор средней школы Валерий Иванович Апрельков.

Процедура поправки подушек прошла со стонами и причитаниями.

— Ну и угораздило тебя, Валерий. Самое время! — Альбина Станиславовна не удержалась от колкости. — У дочери такой ответственный период, а мы...

— Мам, ну папа же не нарочно, — заступилась Настя.

— Радикулит не спрашивает, — простонал отец, кося глазами в сторону жены. — И потом... Дочь у нас уже взрослая, пора становиться самостоятельной.

Настя едва сдерживала ликование. Радость особо выказывать нельзя — как-никак у отца серьезный приступ радикулита. И это накануне отъезда в университет! Настинного поступления, о котором целый учебный год говорилось на семейных советах. Ехать с Настей должен был отец. И весь их маршрут, каждый шаг — все было продумано в деталях. И адреса знакомых и знакомых знакомых — все записывалось тщательно в отцовский толстый блокнот, пахнущий так же, как и его кабинет в школе, — книгами, куревом и змеиным ядом.

Мазь, в состав которой входил змеиный яд, применялась для натираний. Но в этот раз ни змеиный яд, ни йодная сетка — ничего не помогало. Каждое движение доставляло отцу нестерпимую боль. Мать хваталась за голову, а Настя едва сдерживала тайную радость. Она поедет одна! Совсем одна! Наконец-то!

Мама останется с отцом, поскольку он в таком положении совершенно беспомощен!